

18+

Оксана Коложвари
Обратная сторона воды

СТИХИ

Оксана Коложвари

Обратная сторона воды. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101361

ISBN 9785448345258

Аннотация

Я легко вхожу в плотную тьму, Текущую через всё, подобно реке, Перехожу границу, не видную никому, И холодная шерсть скользит по моей руке. Тычутся мордой в колени, скалят клыки, То заглядывают в лицо, то, отбегая, рычат. Что же я делаю внутри этой тёмной реки? Я пасу стаю чёрных волчат.

Содержание

закат в Цфате	7
выбор	9
он	11
говори со мной	13
мишень	15
когда ты упал	16
озеро	17
гаммельнский крысолов	18
о пользе белых медведей	20
ответ Otto Dix	22
необходимость	24
xepos	26
побег	28
нечувствительность	29
безнадежные слова о любви	31
ночные тёмные реки	33
об использовании чужой любви для личных нужд	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Обратная сторона воды

Стихи

Оксана Коложвари

© Оксана Коложвари, 2016

Иллюстратор Оксана Коложвари

ISBN 978-5-4483-4525-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

закат в Цфате

И когда Он создал всё и решил
остановиться, и более ничего не менять,
Он огляделся, выдохнул что было сил,
и создал меня.

И вот она я, с бесполезными этими пальцами
и болезною головой,
стою перед Ним и спрашиваю: «и что мне делать?»,
и Он отвечает: «пой!

не умеешь петь – говори вслух,
не умеешь внятно – да хоть мычи,
как-то мне обозначь, что ты согласна со мной,
что эти холмы в ночи,
бархатные на ощупь,
и звёзды над ними,
и розовая на закате вода —
сделаны хорошо, и пусть уже так останется»,
и я ответила: «да!»

Я ответила «да» и присела на камень,
в голове переставлять слова,
смотреть на закат,
понимать, как несовершенно всё,
что я внутри себя сотворю,
но Он сказал мне,

а я не умею петь,
умею говорить внятно,
поэтому —
более или менее внятно
говорю.

выбор

Что выберешь ты: гореть фитилём или расти стволом,
чаинки читать в золотом плену
чашки за чайным столом,
или гадать на бараньих костях перед большим огнем,
всё заблужденье, и пепел, и тлен,
всё говорит об одном —
**НЕТ, ТЫ ЗАРАНЕЕ НЕ РЕШИШЬ,
КЕМ ЖЕ ТЫ БУДЕШЬ ПОТОМ.**

Это не выбрать и не угадать, даже не попросить,
это зерно разрушенья внутри можно всю жизнь носить,
вот набухает соком цветок, вот поджигается нить,
крест-накрест руками себя обхвати,
но это не прекратить.
**ПЛОТЬ РАЗРЫВАЕТСЯ, КАК БУТОН,
ЧТОБЫ КРОВОТОЧИТЬ.**

Плавишься воском, кровью течёшь,
общее здесь в одном —
ты никогда не знаешь сейчас, чем же ты будешь потом.
Как скрючит засохшие лепестки,
в какой обгорелый ком
слепится воск? Но всё равно думаешь лишь о том,

**ЧТО ВЫЛЬЕТСЯ В ФОРМУ, ЧЕМ ПРОРАСТЁШЬ,
ПРИЗРАЧНЫЙ, КАК ФАНТОМ.**

Толку заглядывать и просить, нужно стоять и ждать,
веки закрыть, губы сомкнуть, зубы покрепче сжать,
чтобы не вырвался стон или всхлип, чтобы не выдавать
боль, когда будешь гореть огнём
или цветком расцветать.

**И БЫТЬ ГОТОВЫМ К ТОМУ, ЧТО САМ
НЕ СМОЖЕШЬ СЕБЯ УЗНАТЬ.**

ОН

Эрику Рыжесму

Он сказал однажды, что меня полюбил,
он меня сначала этим почти убил,
а потом снова собрал по кускам.

Он сказал: «смотри, как меж рёбер цветут цветы,
из твоих лёгких, из перламутровой темноты,
выпуская прозрачный воздух и мутный дым.

Из гортани выпрастывается стрела,
и бутон на ней разрывает перепутанные слова,
те, что ты всё пытаешься удержать.

Разомкни губы, раскрой онемелый рот,
пусть твоя речь распутывается и течёт,
вытекает, тает, рассеивает темноту».

Он сказал: «вбери этот воздух в себя,
ты на вкус почувешь какво, когда любят тебя,
ты же никогда не могла это уловить».

Я, как рыба на суше, разеваю зубастую пасть,

не могу вдохнуть, лишь вижу, как Тьма попасть,
та, что за спиною всегда, стремится вовнутрь меня.

говори со мной

Отвечай мне, прошу, отвечай.

говори, не надо молчать.

Только не говори словами.

Говори со мной взглядом,
улыбкой, жестом, тем, что рядом
я ощущаю твое дыханье.

Говори со мной, говори
прикосновением рук твоих,
моих рук, потому что они – для меня.

Касание пальцев живым теплом
слышней самых громких слов.
Объятые со мной говори. Меняй

интонацию, щекою касаясь щеки,
или виска, словно в конце строки
ставя точку, завершая фразу.

Я близорук, и моим глазам
видно только тебя, а то что за
твоим плечом – недоступно глазу.

Поэтому – молчи, осязай, осушай,
наполняй вновь, мучь, искушай,

словно мы одни существуем тут.
Без повторённых тысячей ртов
чужих, общих, изношенных слов.
просто – танцуй, потому что слова – лгут.

МИШЕНЬ

Мишени нет нужды быть осторожной.
Бояться смысла нет, я – не боюсь.
Стреляй, стрелок, в меня попасть не сложно,
ведь я не увернусь.

Мне роль легка, поскольку добровольна,
а вне неё надеяться на что?
Мишени не страдают, им не больно,
они тебе никто.

Легко ступаешь тихими шагами.
Я жду, я тут, но тетива молчит.
Стреляй, не целься, хватит просто ранить.
Ведь я мертва почти.

КОГДА ТЫ УПАЛ

Потому что я видела, как ты спускался с небес.
Не в смысле, что ты умер, а потом зачем-то воскрес,
я имею в виду, что ты кувырком летел,
что отъяли крылья, но ты как-то остался цел.

И вот это сияние в волосах, как нимб,
и вот это, что остро торчит за плечом твоим,
я как только увидела, сразу всё поняла —
это humerus humerus, обломок крыла.

Я стояла вон там, за елью, в густой тени,
ты тогда не заметил, так хоть сейчас оглянись,
а пылинки висели в воздухе, как в меду,
разве ты не услышал, что я за тобой иду?

Все случилось, теперь веками иду за тобой,
солнце мёдом льется, асфальт прорастает травой,
и столбы с фонарями теснятся, как тёмный лес,
потому что я помню, как ты спускался с небес.

озеро

Уходил от воды, оставляя свое отраженье
воде навсегда, лишь однажды коснувшись взглядом
этой тёмной воды, и становился всё ближе,
пока не исчез, навсегда оставаясь рядом.

Ведь он провалился внутрь, как жуки и листья,
как луна и солнце, утопленники и сети,
вместе с клинками, латами, страхами, мыслями,
и остался на дне, в тишине, во тьме, незаметен.

Но вода, дорогой мой, большего и не может —
хранить, качать на волнах, утолять жажду,
пока он её покой когда-нибудь не потревожит,
возвратясь забрать, что уронил однажды.

гаммельнский крысолов

Выскользнуло, надтреснуло, разлом едва ощутим,
но больше мне не услышать этих манящих слов,
словно над тёмной пропастью дудочку опустил
и усмехнулся ехидно гаммельнский крысолов.

Больше по тёмным улицам спящих ночных городов
я не иду за мелодией, не разбирая пути.
Ты надо мной посмеялся, гаммельнский крысолов,
под моими ногами пропасть, я не знаю куда идти.

Что же, теперь мне вечно во тьме молчащей стоять?
Ожидая хотя бы звука, ни жива, ни мертва?
Мне остаётся только самой в тишине напевать
и слушать, как возвращает эхо мои же слова.

Если я перестану – мир навсегда замолчит.
И надо, коль я намерена всё же дожить до утра,
веки до боли смежить и представлять в ночи
крепкую руку с дудочкой, опущенную у бедра,

может быть только на время? Он так же молчит в ответ
и усмехается, слыша, как я, сбиваясь, хриплю,
самой себе возвращая то, чего больше нет,

ЭХОМ ИЗ ТЬМЫ МОЛЧАЩЕЙ – Я ЛЮБЛЮ, Я ЛЮБЛЮ...

о пользе белых медведей

Мне подарили зимою медведя, я назвала его Эль,
Он белый, надушен ладаном,
размером чуть больше младенца.

Каждую ночь я ложусь с ним в белую, как снег, постель
и прижимаю его к животу, пытаюсь уснуть и согреться.

Каждую ночь я пытаюсь спастись из вязкой реки снов,
там, где под чёрным илом на дне острых коряг изгибы,
падаю вниз и туманною лентой вьётся из губ кровь,
и на другой стороне воды бьётся луна, как рыба.

Тело мое, как приманка, белеет в этой ночной воде,
смерть проплывает слепую рыбой
с острыми плавниками.

Я так стараюсь стать незаметной, словно бы я – нигде.
Околоплодные воды реки мне растворяют память.

Каждое утро я просыпаюсь, всплывая из черных рек
этих отравленных снов, и вдруг понимаю – жива, жива.
Я выползаю на волю из простыни,
белой, как мёртвый снег,
и вспоминаю – время, имя, и все остальные слова.

Он остается лежать, медвежонок,
в смятой ночной простыне,
вывернув лапы, словно зовёт не размыкать объятий,
ночью, как якорь, он удержал меня в этой чужой воде,
и возвращает сейчас из снов
в круг привычных понятий.

Какой-то для душа душистый гель,
мятная паста зубная,
к кафелю лбом и вниз близоруко глаза опустив,
вижу, как чёрные струи воды по животу стекают,
смывают ночные сны и уползают спиралью в слив.

ответ Otto Dix

Кто же поёт эту жуткую песню
про «скоро закончится, скоро»?
Чёртовы нотные знаки на ветках —
птицы орут в тишине.
Кончатся страхи, и муки, и сказки,
и песни, и ссоры, и споры.
Скоро свернётся, сомнётся, иссякнет.
Что же останется мне?

Мир опустевший – рассыпаны в бездну
реки, леса и закаты.
Всё разлетелось сияющей пылью,
каплями крови во тьме,
всё, что мерцало, шуршало, блестело,
звало и манило куда-то —
щепки, осколки костей и ошмётки,
а что же останется мне?

Как мне увидеть, ослепнув навек,
это бег, как полёт, над травую?
Без напряжённых ноздрей,
чем вдохнуть этот ладанный запах любви?
Где мне в сломавшемся мире

хотя бы на миг пересечься с тобою?

Нет ни следов, ни примет, ни тебя, ни меня,
и – зови, не зови.

Чем осязать эту нежность испода,
атласную кожу предплечья?

Не прикоснуться к щеке – испарилась щека,
и в отсутствии рта
речь недействительна. Только душа
не находит замены для речи
в этом распавшемся мире,
где вечна одна тишина, пустота.

Как же ей вынести весь этот ужас
и выдюжить всю эту муку?

Ищет во тьме хоть осколок от плоти,
хоть краешек кожи в огне,
трахеи обрывок – провыть, прохрипеть,
не тебе, так себе эти звуки:
«Нет! Мне не пусто, не тошно, не страшно,
не больно, не больно! не...»

необходимость

Я бы хотела иметь десять ртов,
чтобы не прерываясь тебе говорить, петь.
Я бы хотела иметь сто рук,
чтобы тебя обнять, защитить, укрыть.
Я бы хотела иметь тысячу глаз
и отовсюду ими в тебя смотреть.
Тебе ничего не нужно делать —
просто дышать, смеяться, летать, быть.
Я бы хотела тебя заманить, забрать
и поместить внутри,
меж виноградных кистей легких,
к сердцу левым виском прижав.
Не шевелись, остановись, просто —
укройся во мне и замри
в этих таинственных тёплых внутренностях,
как цветок среди трав.
Я бы хотела тебя не держать, отпустить на волю,
но я боюсь,
я ведь не верю этому ветру, этому солнцу,
этой земле и воде.
Мне иногда снится ночами в кошмарах — я оглянусь
и не найду тебя больше, и не увижу тебя, ты — нигде.

Я так боюсь – всё однажды закончится,
так, как кончается дождь,
как перед смертью дыхание кончается
и высыхает слюна во рту.

Мне надо знать – ты летаешь,
дышишь, поёшь, живёшь,
чтобы понять, что и я – слышу, вижу, дышу. Живу.

xenos

Раскинешь карты, подбросишь кости.

Не жди ответа.

Не будет толку ни в лжи, ни в злости.

Без толку это.

Не будет толку ни в дне, ни в ночи,

ни в снах, ни в мыслях.

Что ни попросишь, что ни захочешь —
не будет смысла.

Ни уголочка нет в этом мире,

чтоб предназначен

плечом прижаться, лицом приникнуть,

хоть долг оплачен.

Ошибся дверью, вошёл случайно,

так мучься, майся!

Хоть вой от боли, хоть рви на части,

как ни старайся —

не будет смысла, не будет счастья,

не будет толка.

И ты не целый, и всё случайно,

куски, осколки.

Убить попробуй, любить пытайся,
взлети, разбейся.

Как не усердствуй, как ни старайся,
нет, не надейся.

Иди дорогой, иль через поле,
круша запреты,
Хоть подчиняйся, хоть рвись на волю —
без толку это.

Ни так, ни эдак, ни тем, ни этим,
ни врозь, ни вместе
не будет толку. Ни в Тьме, ни в Свете
ты не на месте.

побег

Левый край комнаты скрыт в упругой тьме,
правый извлечён лампой, как солнечным светом луна,
если я протяну руку, надвое, каждый себе
свет и тьма торопливо разделят её пополам.

Я захожу во тьму частями —
кисть, предплечье, плечо, спина,
удерживая зубами крик во рту, не отпуская звука,
Пальцы, ломая ногти, наткнулись, но это стена.
Я возвращаюсь – предплечье, кисть,
и выживаю пустую руку.

И на краю стула,
качая правой ногою в туфле на каблуке,
как на краю пропасти, левой рукой охватив колено.
Бьются любви слова о зубы
и перекатываются на языке,
как тяжелая галька во рту картавого Демосфена.

нечувствительность

Фазиру Муалиму

А все про него-то думали – он герой,
спасатель, спаситель, стоящий за вас горой,
выманивает дудочкой крыс из нор,
и может свести, обидевшись, ваших детей,
смести в кулек, как мусор, сгрести их в горсть,
увлечь в просторы невидимых областей.

А он-то ищет кого-то, чей тонок слух,
детей или крыс – все равно, кого-то из двух,
кто есть, тот и будет за ним в темноту брести,
он просто ищет, кто слышит его дуду,
кто может радость от музыки обрести,
ему всё равно – в раю это, или в аду.

А здесь – ни рая, ни ада, ни света, ни мглы,
стерильная чистота и пусты углы,
и все так заняты чем-то, не знают чем,
но чем-то заняты очень, и вот беда —
не видят, не слышат, не замечают совсем,
и не нуждаются в музыке никогда.

Глазами больными глядя поверх голов,
в толпе бредёт отчаявшийся крысолов,
да только тут отродясь не бывает крыс,
и даже детей, и некого тут вести,
здесь бред и морок, и ветра сердитый свист,
у всех тут болезнь нечувствительности.

безнадежные слова о любви

Твоя душа, как река, в оковах тяжёлого сна.
Она покрыта льдом, не блестит и не льётся.
Осень, зима, осень, но всё никак не весна.
Река навсегда подо льдом, из неё никто не напьётся.

Тянуться холодными пальцами, едва касаться рукой,
словно боясь поранить или самой уколоться
кристаллами льда, иглами, холодной колючей мглой,
ледяными ненужными звёздами
на дне забытых колодцев.

В этих льдах нет различия между криком и тишиной,
в этой тьме нет разницы между жаждой и утолением,
есть только гулкая пропасть между тобой и мной.

И я стою, замерев, у самой границы тени,

пропихивая глотками вовнутрь бесполезную речь.

Зачем выговаривать фразу, если она не греет?

Зачем? Ведь река замерла, и воды не будут течь.

Зачем повторять в сотый раз,

словно заставляя поверить,

что вслед за каждой зимою обязана быть весна,

что любая река должна ожить весной,
что и твоя душа может очнуться от сна.
Что истинная любовь не имеет иной цели,
кроме себя самой.

ночные тёмные реки

Вновь наступает ночь и мне смыкает веки.
И я смогу опять кричать в крошечной мгле,
живущие в тени, забытые навеки,
запретные слова, не слышные тебе.

Меня скрывает тьма от пристального взгляда
твоих бессонных глаз. Пусть мы навеки врозь,
и далеки, но мы сейчас так кратко рядом,
связующей нас тьмой пропитаны насквозь.

День убивает речь. Так высыхают русла
у полноводных рек в моём смертельном сне,
так, уходя, отлив закроет створки устриц
и камни обнажит, лежащие на дне.

Не полон без тебя, как сказка без героя,
как без воды река, мир, высушен и пуст.
Но наступает день. Вот я глаза открою
и вновь запру слова во мгле сомкнутых уст.

об использовании чужой любви для личных нужд

Прости меня, мальчик, я знала заранее, как это больно,
и как безнадежна любая, любая попытка.

Все танцы во сне обрываются криком «довольно!».

Все это закончилось и определилось опять
как ошибка.

Прости меня, мальчик, я знала заранее, что она скажет,
и что ты ответишь, и что ты не сможешь ответить,
и как она тушь со слезами рукою размажет,
и даже внезапные мысли про тени и ветер.

Я знаю, как ты забывал, перепахивал память,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.